

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212222-232>

Исследовательская статья

Алиев Багомед Гадаевич
д.и.н., главный научный сотрудник, профессор
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
bagomed.aliev@inbox.ru

Муртазаев Арсен Омарович
к.и.н., старший научный сотрудник, доцент
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arslist777@mail.ru

АКУША-ДАРГО И КАЗИКУМУХСКОЕ ШАМХАЛЬСТВО: СОЮЗ КАК ОБОЮДНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ (ВРЕМЯ, ПРИЧИНЫ, ЗНАЧЕНИЕ)

Аннотация: Статья посвящена характеристике взаимоотношений крупной федерации дагестанских союзов общин Акуша-Дарго с Казикумухским шамхальством. В вводной части повествуется о политической истории даргинцев в составе таких государственных образований, как Кавказская Албания и Шандан. Отмечено, что с распадом Шандана жители Акуша-Дарго обосновались по своим племенным территориям, где образовали небольшие этнотерриториальные объединения – союзы сельских общин. В силу своей слабости, разобщенные союзы подпали под влияние нучала Хунзаха. Но, объединившись в дотимуровское время, даргинцы освободились от власти нучала. Усилившееся в XV в. Казикумухское шамхальство распространило свою власть и на даргинцев, с которых взимало подати. В первой половине XVI в. даргинцы выступили против власти шамхала и эмиров Казикумуха и обрели политическую автономию. Отмечено, что после этого был заключен союз с шамхалом, согласно которому даргинцы вошли в шамхальство с условием, что ими будет руководить акушинский кадий, за которым закреплялось право «коронации» нового шамхала. Подчеркивается, что это требование даргинцев имело для них большое значение. Кадий получал «разрешительные полномочия» – он мог если не утвердить на трон шамхала, то, по крайней мере, создать определенные препятствия новому кандидату. С тех пор Акуша-Дарго стало играть большую роль в региональных военно-политических событиях, став одним из сильных государственных образований Дагестана. Авторы статьи установили, что шамхал, проводивший активную внешнюю политику, нуждался в постоянной военной поддержке извне, которую ему оказывала федерация союзов общин Акуша-Дарго. В свою очередь, жители этого политического образования, не имея своих зимних пастбищ, вынуждены были арендовать пастбища в шамхальстве. Таким образом, союз между Акуша-Дарго и шамхальством стал следствием обоюдной необходимости для их социально-политического и экономического развития.

Ключевые слова: даргинцы; хунзахский нучал; Казикумухское шамхальство; шамхал; кадий; эмиры; «коронация»; «посадка»; воинские силы; зимние пастбища; «разрешительные полномочия»; наибство.

Для цитирования: Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Акуша-Дарго и Казикумухское шамхальство: союз как обоюдная необходимость (время, причины, значение) // История, археология и этнография Кавказа. 2025 Т. 21. № 2. С. 222-232. doi.org/10.32653/CH212222-232

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212222-232>



Research paper

Bagomed G. Aliev
Dr. Sci., Chief Researcher, Prof.
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
bagomed.aliev@inbox.ru

Arsen O. Murtazaev
Cand. Sci., Senior Researcher, Assoc. Prof.
Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
arslist777@mail.ru

THE AKUSHA-DARGO FEDERATION AND KAZIKUMUKH SHAMKHALATE: A MUTUALLY BENEFICIAL ALLIANCE IN HISTORICAL CONTEXT

Abstract. This article examines the historical relationship between the Akusha-Dargo federation of unions and the Kazikumukh Shamkhalate in Dagestan. It begins by tracing the political history of the Dargin people within the state entities of Caucasian Albania and Shandan. Following Shandan's collapse, the Dargins settled in their tribal territories, forming small ethno-territorial unions of rural communities. Initially fragmented and under the influence of the Nutsal of Khunzakh, the Dargins achieved unity in the pre-Timur period, securing independence from the Nutsal. By the 15th century, the strengthened Kazikumukh Shamkhalate extended its authority over the Dargins, imposing taxes. In the early 16th century, the Dargins rebelled, gaining political autonomy and forming an alliance with the Shamkhalate. This alliance stipulated that the Akushin Qadi would lead the Dargins and hold the significant privilege of "coronating" new Shamkhals, thereby influencing the succession process. Consequently, Akusha-Dargo emerged as a key player in regional military and political affairs, establishing itself as a formidable state entity in Dagestan. The study reveals that the Shamkhalate, pursuing an active foreign policy, relied on military support from the Akusha-Dargo federation. In return, the Dargins, lacking sufficient winter pastures, leased grazing lands from the Shamkhalate. This mutually beneficial alliance thus facilitated the socio-political and economic development of both entities.

Keywords: Dargins; Khunzakh Nutsal; Kazikumukh Shamkhalate; qadi; emirs; coronation; installation; military power; winter pastures; permissive powers; naibstvo

For citation: B.G. Aliev, A.O. Murtazaev. The Akusha-Dargo federation and Kazikumukh Shamkhalate: a mutually beneficial alliance in historical context. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 2. P. 222-232. doi.org/10.32653/CH212222-232

Введение

В истории взаимоотношений народов Дагестана и их политических образований имеется ряд вопросов, которые все еще не стали предметом комплексного научного изучения. Среди них особый интерес представляют взаимоотношения политического объединения Акуша-Дарго (даргинцев) с Казикумухским шамхальством.

Ученые-дагестановеды, отмечают не только вхождение Акуша-Дарго в Казикумухское шамхальство, но и зависимость его от него. Одни из них, например, Х.-М. О. Хашаев, просто констатируют, основываясь на источниках, нахождение Акуша-Дарго под «покровительством» или «протекцией» шамхала [1, с. 167]. Другие авторы (В.Г. Гаджиев, Б.Г. Алиев), также на основе источников, пишут об установлении между Акуша-Дарго и Тарковским шамхальством своеобразных отношений взаимозависимости [2, с. 31]. Между тем взаимоотношения между этими двумя политическими структурами в разные периоды были разными, о чем будет сказано ниже в основной части статьи. Об этом пишут также отдельные ученые (Р.М. Магомедов, М.А. Абдуллаев, Т.М. Айтберов), что стало возможным в результате более тщательного и глубокого анализа имеющихся источников, а также новых, выявленных в последнее время, источников, что также будет показано ниже.

Остановившись на поднятом вопросе, мы ставим цель рассмотреть весь комплекс взаимоотношений Акуша-Дарго и шамхальства, выделив при этом такие вопросы: *как, когда и в связи с чем* происходили изменения во взаимоотношениях Акуша-Дарго и шамхальства; *в связи с чем, почему и когда* был заключен союз Акуша-Дарго и шамхальства; *на каких условиях* Акуша-Дарго вошел в шамхальство как его часть – наместничество; почему союз между ними был необходим обоим сторонам.

Методологической основой изучения указанных и других вопросов статьи является принцип историзма, предполагающий рассмотрение любого явления в конкретных исторических условиях и связях; принцип объективности; принцип всестороннего изучения вопроса; принцип исторического детерминизма – взаимообусловленность событий, их последовательность и причинно-следственная связь.

Новизна исследуемого вопроса – в самой его постановке. В таком плане и специально вопрос о взаимоотношениях Акуша-Дарго и шамхальства в отечественной историографии до сих пор не ставился. Это первое и пока единственное исследование, посвященное комплексу вопросов о взаимоотношениях Акуша-Дарго и шамхальства на всем протяжении их существования, с раскрытием вопроса об обоюдной необходимости их союза.

Основная часть

Среди раннефеодальных государственных образований, возникших в VI–VII вв. на территории Дагестана, были Хайдак и Зирихгеран. Трудно сказать входили ли в их состав все остальные племенные группы (субэтносы) даргинцев. Но, согласно источникам, данным топонимики и народным преданиям, уже в VIII–X вв. у даргинцев были свои политические структуры – Шандан, Филан, ал-Карах, объединяющие определенные субэтносы даргинцев. Ал-Карах объединял даргинские племенные группы, известные под общим названием *муьринцы*. Шандан и Филан объединяли остальные племенные группы, ставшие впоследствии известными как *верхние даргинцы* (верхне-даргинцы), *восточные даргинцы* и *сирхинцы*. Обоснование гипотезы о вхождении даргинцев в Кавказскую Албанию, а с ее распадом – в образовавшиеся в Раннем Средневековье государственные образования Шандан и Филан, опубликовано в статье «Становление и эволюция даргинских обществ в Древности и Средневековье: периоды образования единой политической структуры в Верхнем Дарго» [3, с. 7–12].

В XI–XII вв. эти даргинские государственно-политические структуры перестали существовать и, не имея объединяющего центра, обособились по своим территориям. Естественно, теперь они не могли противостоять соседним более сильным государственно-политическим структурам Дагестана, среди которых выделялись Кайтаг, Серир, Гумик, образовавшееся на территории Гумика Казикумухское шамхальство. Верхнедаргинцы и восточные даргинцы попали под влияние Аварского нучальства, образовавшегося вследствие децентрализации и распада Серира в конце XI – начале XII в. Об этом пишут многие ученые и это отмечается в обобщающих трудах, в частности, В.М. Бейлиса [4],

Г.Д. Даниялова [5], Т.М. Айтберова [6], Магомедова М.Г. [7], в «Истории Дагестана» (1967 г.), «Истории Дагестана» (1996 г.) [8]. В «Истории Дагестана», изданной в издательстве «Наука» в 1967 г. (Т. 1) глава VII названа «Дальнейшее развитие феодальных отношений (XI–XV вв.). В параграфе 2 «Феодальные владения Дагестана» дается термин «Аварское нуцальство» [9, с. 182]. В 1970 г. Г.Д. Даниялов писал: «Распад Серира приводит к тому, что выделяются две основные силы, а именно – крупные и мелкие феодальные владения во главе с нуцальством и шамхальством и вновь выделившиеся территориальные общины» [5, с. 12]. Как сказано в «Истории Дагестана», изданной в 1996 г.: «В конце XI – начале XII в. (подчеркнуто нами. – прим. авт.) в социальной структуре и социальной жизни Серира происходят существенные изменения. Это крупное независимое единое государство... распадается на более мелкие владения» [8, с. 265]. И далее «Однако Хунзах не перестал быть центром отдельного владения, он сохранил под своей властью определенную территорию, получившую в последствии в литературе название Хунзахского нуцальства» [8, с. 241].

Т.М. Айтберов в 1990 г. писал, что «в пределах конца XI – начале XII в. в Сулакском бассейне и на прилегающих землях была создана конфедерация мелких мусульманских княжеств – эмиратов, одним из которых был Хунзахский эмират...» [6, с. 73].

Ученый-археолог М.Г. Магомедов писал, что после XIII в. упоминание о Серире в источниках не встречается, и что XIII в. является конечной датой существования этого царства [10, с. 198].

Следует отметить, что только Ш.М. Хапизов, издавший в 2021 г. монографию «Нуцалы Аварии (историко-генеалогическое исследование)», имеет иное мнение. Но нам важно не утверждение автора, что Серир и Аварское нуцальство – два названия одного и того же владения, а то, что это владение распространило свою власть и на даргинцев Акуша-Дарго [11].

Важно учитывать, что в результате объединения всех обществ Дарга, выступивших вместе против вооруженного отряда нуцала, ими была одержана победа, и они освободились от зависимости нуцала. Однако, как показывают источники, уже в начале XIV в. верхнедаргинцы находились в зависимости от усилившегося к тому времени шамхальства Казикумухского [12, с. 23], правитель которого, «поставленный после уничтожения в 1240 г. прежней династии, сумел за короткое время укрепить власть, усилить шамхальство и распространить его влияние на соседние земли, многие из которых представляли уже не подчинявшиеся центральной власти союзы сельских общин» [13, с. 73].

Именно после усиления правителя Кумуха шамхальство расширяет свою территорию за счет земель горных обществ и равнинного Дагестана, в результате чего в начале XIV в. оно выступает как одно из самых крупных в Дагестане государств [13, с. 73].

Хотя верхнедаргинцы (северо-западная часть даргинцев) освободились от хунзахского нуцала, угроза повторных попыток с его стороны принудить их платить дань не исчезла. Поэтому их объединение (Акушинский, Усишинский, Цудахарский, Мугинский и Мекегинский союзы общин) и после победы над дружиной нуцала сохранило свою актуальность, чтобы и дальше отстаивать свою независимость. Но, «недостаточно сплоченные, ослабленные неурожаем, сельские общества, видимо, не очень были уверены в победе и совершенно не были готовы к длительной войне против одного из сильнейших «княжеств», Дагестана и поэтому вынуждены были искать себе союзника и покровителя, способного и готового воевать с нуцалом» [14, с. 177]. Как известно, Урахинский джамаат и Хамур-Дарго присоединились к Кайтагскому уцмийству, в составе и под влиянием которого они находились вплоть до XVIII в. Что касается северо-западных даргинских обществ, то их внимание привлекло Казикумухское шамхальство, сильный владетель которого был в состоянии защитить их. Он уже распространил свою власть на даргинские союзы Буркун-Дарго, Гуцул-Дарго и на села в районе р. Шура-озень и Хала хIеркI. Согласно сохранившейся записи, это была территория, поделенная уходящим из Дагестана Тимуром между шамхалом и нуцалом: «Эмирам, которые были поставлены [в Дагестане] он (Тимур?. – прим. Т.А.) отдал харадж, джизйу и подати (мал)... Эмиру хунзахцев (хунз) он отдал [людей, живущих] между рекой гидатлинцев (Хид) и горой андийцев (Анда), тех киялальцев (Кийалал), которые [обитают] позади шубутян (ахл Шубут), Ункратль (Унк рак) и других [горцев, живущих] вплоть до Галгая [Гулга] (Галгай – общество горной Ингушетии» [15, с. 64, 65].

Эмиру Гази-Гумука он отдал [людей, проживающих] между рекой гидатлинцев и рекой Самур» [16, с. 132].

Согласно источнику, среди обществ, обязанных платить шамхалу подати, перечислены и даргинские села: Усиша и Акуша – 100 быков, жители Цудахара – 50 быков [12, с. 23].

Важно указать, что в «Перечне податей» шамхалу и крым-шамхалу (конец XV в.) сказано, что «джамат Бартху» (т.е. Усишинский союз) должен был платить шамхалу 1200 овец в год, из которых 700 овец – сел. Усиша, а остальные 500 овец – другие села союза; Цудахар ежегодно давал 1 быка, Танти – по 70 баранов Перечислены здесь и села СирхЯ (Сюрга), среди которых Дуакар, Нахки, Наци, Гуладти, Урари, Цугни и ныне не существующее сел. Бульмук. Каждое селение платило по 30 кусков холста ежегодно. В связи с этим Р.М. Магомедов писал, «что, опираясь на Буркун-Дарго, шамхалы к концу XV в. сумели подчинить себе целиком и Сирху» [14, с. 179].

О вхождении в шамхальство территорий верхнедаргинцев Р.М. Магомедов писал: «Закрепить свои позиции удалось им (шамхалам. – прим. авт.) и в западной части их “мулька,, на северных границах Цудахарского и Акушинского обществ, взяв под свой контроль села Кутиша, Нижнее Чугли и Хахита». Согласно преданиям, «когда-то в с. Аргвани был убит тамошний “султан,, т.е. родственник нуцала», после чего «большая группа аргванинцев бежала на земли шамхала, под его покровительство». Они были сначала поселены в долине Шура-озень для охраны этих земель от «нуцальских вторжений», а затем на место нынешнего Кутиша, где основали селение. Затем возникает сел. Хахита [14, с. 179, 180].

Видимо, Тимур, уходя из Дагестана, оставил шамхалу и нуцалу те же земли, с которых они собирали подати до его появления.

Как было отмечено выше, в «Перечне податей» указаны Усиша и Цудахар, но нет сел. Акуша. Но, согласно другому источнику, Акуша платила кадию шамхальства 10 быков [17, с. 27].

Феодальные владения испытывали необходимость расширения своей территории, так как «более высокий уровень социально-экономического развития» «обуславливал у них потребность расширения сферы функционирования феодальных отношений, что выражалось в ведении агрессивных действий по отношению к соседним районам» [18, с. 9]. В связи с этим важно отметить: когда шамхал и нуцал во время похода Тимура в Дарго шли на помощь осажденному Ушкуджа (Ускиша, Усиша) в 1396 г., каждый из них преследовал свои цели. Нуцал стремился восстановить свое влияние на верхнедаргинцев, а шамхал, если он уже покровительствовал им, – укрепить его еще больше, а если они еще не попали под его влияние, привести их к этому¹.

Источники свидетельствуют о том, что верхнедаргинцы находились в вассальных отношениях от шамхала. Мухаммед-Рафи пишет об их подчиненном положении в начале XIV в., «Перечни податей» – и в более позднее время.

Вхождение Акуша-Дарго в состав Казикумухского шамхальства подтверждается и эпиграфическими памятниками, имеющимися на кладбищах в нескольких селах современного Акушинского района РД. Еще в 1962 г. один из авторов данной статьи, будучи в сел. Шукты Акушинского района, с помощью местного арабиста М. Гасамахова обнаружил надмогильную плиту 1503 г. с шамхальской эмблемой [19, с. 260; 20, с. 111]. Эта эпитафия из сел. Шукты очень похожа на эпитафии из лакского сел. Кули и других сел – все они содержат «эмблему шамхальского рода (особый орнамент – розетку), и даже титул «шамхал» в виде личного имени». Р.М. Магомедов по этому поводу пишет: «видимо, это члены одного рода, как-то связанные с шамхальским домом...» [14, с. 180–185].

Действительно, надмогильные памятники с шамхальской эмблемой, встречающиеся в даргинских селениях, были поставлены представителям или близким людям к шамхальскому роду, известным в арабоязычных источниках под титулом «эмир» [21, с. 14], и о них будет сказано ниже при описании событий в Акушах в первой половине XVI в.

Вошедшие в шамхальство верхнедаргинцы «были втянуты в феодальные распри, разгоравшиеся далеко от их родных земель» [14, с. 181]. Об этом может свидетельствовать надпись на одной из могильных плит на старом кумухском кладбище: «Это могила Тебека, сына Нажмуддина, шахида (мученика), который умер в бою с неверными в начале сафара 980 г. хиджры», что соответствует 1572 г.

Аналогичные могилы шахидов, погибших в сражении с «неверными», имеются и в лакском сел. Хосрех, одна из которых относится к 1573 г. Во второй могиле похоронен племянник шамхала, «шахид, убитый в сражении с неверными Черкесии, Мухаммад, сын Амал-Мухаммада, в мухаррамме 960 г.». «Он погиб зимой 1552–1553 г. в одной из многочисленных междоусобных войн, которые вели тогда шамхалы с кабардинскими князьями на предкавказской равнине, по берегам Терека». Из этих

1. Нам пока неизвестно точно, когда именно верхнедаргинцы попали под влияние шамхала – до похода Тимура в Дарго или после, хотя, существует мнение, что это было в послетимуровское время.

примеров Р.М. Магомедов заключает: «Вероятнее всего Тебек из Акуша также нашел свою смерть где-то в этих степях, в рядах шамхальской дружины» [14, с. 181].

Весьма важно отметить, что даже «скупые свидетельства XV–XVI вв.» позволяют говорить о наличии двух основных сторон в отношениях шамхалов с даргинскими подданными: «1) взимание податей; 2) вовлечение в военные конфликты феодалов за пределами Дагестана» [14, с. 181].

В подтверждение второго пункта Р.М. Магомедов приводит сведения о содержании шамхалом воинских сил и их дислокации. Среди других дагестанских сел, обязанных содержать определенное число воинов, отмечены и 5 даргинских сел, в том числе Акуша, где сидел «шамхалов уздень Бурунчи», у которого было «30 конных воинов» [22, с. 243].

Р.М. Магомедов обратил внимание на то, что они содержались не на плоскости, а в предгорных и горных селах Лакии и Даргинии. Этим воинским гарнизонам не было на Сулакской равнине, куда совершались походы русских войск. Такое «отвлечение сил» он объяснял недовольством населения, «которое надо было чем-то сдерживать» [14, с. 182]. И это действительно имело место, на чем мы остановимся ниже.

К этому времени относится и уничтожение горцами местных «князей», стоявших во главе небольших «княжеств», образовавшихся после децентрализации раннефеодальных государственно-политических структур на территории всего Горного Дагестана. В ходе многолетних научных экспедиций в горные районы Дагестана мы собрали материал по местным «князьям», которые у горцев были известны как «талхъаны», «шахи», «амиры» или «эмиры», «нуцалчи» и т.д. [20, с. 60–69; 23, с. 148–153; 24, с. 60–161]. Более солидный, богатый, основательный материал о местных князьях собран Р.М. Магомедовым, он охватывает огромное количество горных обществ. Такие князьки – талхъаны – были и в обществах Верхнего Дарго: Акуше, Усише, Цудахаре, Муги, Мекеги, Бутри и т.д. Они поддерживались шамхалами «... на условиях превращения талхъанов в шамхальских вассалов и «служивых людей» [14, с. 185]. Именно поэтому «чувствуя за своей спиной поддержку самого сильного княжества Дагестана, талхъаны могли не считаться с недовольством и протестами земляков-односельчан» [14, с. 185]. Жестокая эксплуатация и деспотизм талхъанов привели к уничтожению их как привилегированного высшего сословия даргинцев, терпение которых иссякло. Этому благоприятствовали и внешние вмешательства (монголо-татарские и тимуровские нашествия), ослабившие власть талхъанов. Они повсюду были уничтожены восставшими горцами [14, с. 183–188; 21, с. 60–69; 24, с. 148–153; 25, с. 60–61].

Наибольший интерес для нас представляет уничтожение талхъанов в Акуша, где находились не только местные – свои талхъаны, но и представители лакского сословия эмиров, осевших в основных селах Дарго, и в частности, в уже выдвинувшемся как лидер среди других сел после похода Тимура, как централизующая община – сел. Акуша.

Описанию выступления акушинцев на основе арабоязычного источника, переписанного дженгутавцем Абдурахманом Казиевым (ум. в 1992 г.), посвящена изданная в 2023 г. статья М.Н. Абдуллаева и Т.М. Айтберова [25, с. 9–18]. Главное в этом источнике – выступление верхнедаргинцев против казикумухских эмиров и освобождение из-под их и шамхала власти. Однако следует отметить, что авторы статьи, анализируя источник, объединяют два разных события – выступление верхнедаргинцев против хунзахского нуцала, происшедшее в дотимуровское время, и второе выступление их против лакских эмиров и, мы полагаем, против своих талхъанов, поддерживаемых казикумухским правителем. Авторы статьи ошибочно объединили эти два события, происходившие в разное время, в одно, и выразили несогласие, что описанное Р.М. Магомедовым и нами первое выступление было в XIII–XIV вв.

Во избежание разночтений и в интересах правильной интерпретации источника, приводим его в нашей статье полностью. Это позволит выяснить причины выступления, лидеров, против кого оно было направлено и его результаты.

В источнике сказано: «Селения даргинцев (даргва) находились прежде под властью (ихтияр) г(лаварей) казикумухцев (гъазигъумухъ). Именно так обстояли дела на 404 года раньше.

Затем получилось так, что умножились притеснения и несправедливости, которые исходили [обычно] от эмиров [происходивших из среды] казикумухцев. Умножилась, как результат, и сумятица среди людей. Вот тогда-то, а точнее в пятничный день, и заговорил кадий (къади) акушинцев (акъуша).

Этот кадий, поднявшийся тут на крышу мечети, сказал: «Если вы объединитесь, то мы сможем сразиться против эмиров [из среды] казикумухцев и, как результат не будем больше нести тяжелые повинности (таклифа), наложенные на [нас] с их стороны».

[Даргинцы] тут объединились, вступили в сражения, и мало того, атаковали казикумухцев. В общем же итоге, убили они тогда одного из их – казикумухцев – эмиров, а те, кто спаслись, убежали.

После всего этого сочтено было за общее благо (маслахат), что будут даргинцы под властью кадия Акуша, а также, что посадка [каждого нового] шамхала на [трон] будет находиться во власти такого кадия. Ну и так далее.

Затем, в то время, когда Баганд Мусаевич (Мусала БахIанд) был кадием в Акуша, возвысился он до степени паша. Случилось же это тогда, когда пришло из Стамбула много воинов, которые были, причем, на конях и верблюдах. Их поразила, однако, смерть» [25, с. 11].

Из текста источника ясно, что речь в нем идет о выступлении даргинцев против казикумухских эмиров и никак нельзя согласиться с авторами, анализирующими его, когда они проводят параллели с усишинской (так пишут они) версией и преданием, записанном в сел. Чуни Мусалавом. Поэтому все их рассуждения и выводы по тем или иным вопросам, связанные с выступлением даргинцев против хунзахского нуцала, неуместны.

Мы согласны с М.Н. Абдуллаевым и Т.М. Айтберовым в том, что выступление даргинцев было направлено против казикумухских эмиров и способствовало переходу их под власть кадия Акуши [25, с. 12].

Источник подтверждает бытование в XV в. особого обряда коронации шамхала акушинским кадием, во время которого нового владетеля сажали на «особый камень» четырехугольной формы [25, с. 12–13].

Роль кадия Акуши в признании легитимности правления нового шамхала авторы указанной статьи объясняют выходом даргинцев из-под подчинения Казикумуху. И это верно. Но они опять возвращаются к другим событиям, имевшим место более века раньше, чем в описанных в анализируемом ими источнике, т.е. освобождению даргинцев из-под власти хунзахского нуцала, описанных Р.М. Магомедовым в 1961 г. и нами позже в нескольких своих статьях.

В результате освобождения даргинцев от нуцала смещается у авторов статьи на период после восстановления института шамхальства, ликвидированного «то ли Тимур-гурганом, то ли Шахру-каганом», в конце XVI в [25, с. 12, 13].

В целом, соглашаясь с выводами М.Н. Абдуллаева и Т.М. Айтберова, мы должны указать, что все эти события не были связаны с сопротивлением акушинцев притязаниям нуцала.

Все описанные сюжеты – упадок шамхальства, усиление «акушинских» (даргинских) обществ, участие их в «коронации шамхала», время вхождения Акуша-Дарго в шамхальство – уже были предметом исследования Р.М. Магомедова и проанализированы им в работе 1999 г. Наше возвращение к этим вопросам продиктовано желанием преодолеть сложившуюся в результате объединения двух разновременных событий путаницу и прийти к истине.

Сам анализ источника не вызывает особых нареканий, если не считать непонятные, вернее, не подкрепленные источником утверждения. Прежде всего о времени выступления даргинцев против «эмиров» казикумухских и практически против шамхала, которому даргинские общества должны были платить подати. Они пишут, что это выступление было «где-то после 1535 г.». Не подкреплено ничем утверждение авторов статьи о присутствии в арабском тексте анализируемого источника «с давних времен», но «не ранее... XV в.» «был принят небезынтересный для Кавказа закон» (кем и где? – прим. авт.), согласно которому («тексту») (какому? – прим. авт.) «сочтено было за общее благо», что «посадка» каждого нового шамхала» на трон шамхальства (?) – в виде «особого камня», обладавшего «четырёхугольной формой» [25, с. 12]. Опять возникает вопрос – где об этом написано, если его нет, как пишут авторы, «в арабском тексте» [25, с. 12].

Первое упоминание о «коронации», если можно так сказать, мы встречаем у А. Олеария (1633 г.), потом у Я. Стрейса (1670 г.), а затем у Д.И. Тихонова (1796 г.) и в XIX в. Слова источника «посадка» [каждого нового] шамхала на [трон]» не означает, что «был принят небезынтересный для Кавказа закон» [25, с. 11, 12].

Р.М. Магомедов не был знаком с анализируемым источником. Но, исходя из сведений А. Олеария, Д.И. Тихонова и офицера русской армии, писавших о «коронации» шамхала, отметил, что «эти три описания по сути одного и того же обряда: меняются детали (золотое яблоко – затем «возведение на трон» – наконец «коронация»), но суть сохраняется: утверждение избранного шамхала остается за кадием акушинским» [14, с. 99].

Незнакомством с арабоязычным источником можно объяснить и мнение о времени заключения союза между Акуша-Дарго и шамхалом. Хотя верно, что это было время, когда шамхальство было не так сильно, как прежде, а Акуша-Дарго находилось в окружении более сильных и агрессивных феодальных владений. Поэтому даргинцы «нуждались» в объединяющем главе-посреднике, который может представлять их «перед лицом внешних сил в мирных и военных обстоятельствах». Находясь в составе шамхальства, расположенном по соседству и раньше, Акуша-Дарго и после выхода из него сохранил какие-то связи.

По мнению Р.М. Магомедова, союз с шамхалом «сложился между 1612 и 1638 гг.». И, таким образом, «завершилось включение северо-даргинских земель в довольно рыхлую конфедерацию – шамхальство – на основе «внешнего права» [14, с.398].

Право акушинского кадия «короновать» главного шамхала являлось важнейшим достижением Акуша-Дарго, которое давало ему возможность влиять на шамхальство и характеризовало его как одну из значимых политических структур Дагестана. В связи с этим правом Р.М. Магомедов писал: «Как значительно изменились в начале XVII в. роль и место Акуша-Дарго в шамхальской конфедерации. Теперь это не просто подчиненные шамхалу земли – кадий может не утвердить на трон шамхальства неудобную для Акуша-Дарго кандидатуру (т.е. имеет разрешительные полномочия), о дани теперь не может быть и речи, Тем не менее шамхальство и Акуша-Дарго нужны друг другу» [14, с. 399]. Действительно, Акуша-Дарго становится сильной и влиятельной политической структурой. Центр федерации – село Акуша – становится одним из центров и самого шамхальства, экономическое и политическое положение которого в начале XVII в. пошло вверх, выразившееся «в становлении относительно крупного государства в пределах Среднего Дагестана, состоявшего тогда из двух, как минимум, княжеств, – с центром в горах в Кумухе, и на равнине, в Тарках, – и горской «республикой», которая имела центром своим Акуша» [25, с. 16].

На самом деле, шамхальство после заключения союза с Акуша-Дарго укреплялось и развивалось и экономически, и политически, оказывая влияние на другие политические структуры и проводя активную внешнюю политику, необходимую для еще большего усиления. Как отмечают, завершая свою статью, ее авторы: «Шамхальство после этих событий следует рассматривать как комплексное развивающееся во времени явление – государство, включающее в себя взаимосвязанные и взаимодействующие системы с центрами в Кумухе, Тарках и Акушах и сыгравшие важную роль в государственно-правовых процессах, происходивших в течение длительного периода жизнедеятельности дагестанских этносов» [25, с. 16].

Так продолжалось и после окончательного переноса столицы шамхальства в Тарки и оно стало называться Тарковским шамхальством, которое занимало предгорную и всю приморскую равнину от р. Оросай-Булака на юге до реки Терек, затем Сулак – на севере. И после отделения Лакии и земель Южного Дагестана шамхальство оставалось самым крупным владением Дагестана, с которым Акуша-Дарго не прерывало отношения, а напротив – укрепляло их. И что главное – оно сохраняло союз с шамхальством с центром в Тарках и основные условия их взаимоотношений – право акушинского кадия «короновать» нового шамхала. Это право акушинского кадия хорошо описал в 1796 г. майор Д.И. Тихонов. Он писал и о других условиях союза, дополняющих главное условие. Первое – это необходимая помощь даргинцев шамхалу своим войском. Д.И. Тихонов, в частности, отмечал, что «народы» «Акушинского владения» (Акуша-Дарго. – прим. авт.) «шамхалу податей никаких не платят, но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то он просит их по доброй воле (если хотят сами. – прим. авт.), а иногда и с заплакою, а принудить их не может» [26, с. 131].

Видимо, одним из условий союза Акуша-Дарго и шамхальства было выставление шамхалу при необходимости войска. Но здесь самое важное, – это то, что войско выставлялось, если захотят сами даргинцы. Шамхал не мог их принудить. Важно учитывать – шамхал платил за это, что, очевидно, происходило тогда, когда даргинцы не желали выставлять ему войско. Из всего этого вытекает вывод – даргинцы не были зависимы от шамхала, хотя они считали себя «узденями» его, и их федерация пяти союзов сельских общин Акуша-Дарго считалась частью – «наибством Дарго» шамхальства.

Но здесь была и вторая сторона вопроса, которая также, полагаем, была оговорена при заключении союза между Акуша-Дарго и шамхальством, и об этом также писал Д.И. Тихонов, отметивший при этом, что «главная их (даргинцев. – прим. авт.) нужда состоит в шамхале та, что в рассуждении (расположении. – прим. авт.) их в горах жилища, где в зимнее время свои стада со скотом продержат

никак не могут по причине малости подножного корму, а больше еще и стужи (холодов. – прим. авт.), а потому необходимо вынуждены нанимать на зимнее время **завсегда** (подчеркн. нами. – прим. авт.) в шамхаловом владении лежащие на плоскости кутаны, и по сей причине его уважают [26, с. 131].

Д.И. Тихонов отметил и главное во взаимоотношениях шамхальства и Акуша-Дарго, позволяющее даргинцам оставаться независимым. Вслед за А. Олеарием (1638 г.) и Я. Стрейсом (1670 г.) он в 1796 г. писал о «коронации» шамхала акушинским кадием. «Еще они, – писал он о населении Акуша-Дарго, – имеют то преимущество, что во время нового преемника шамхальского достоинства посылают несколько чиновников в Тарки и по приезде их сажают его на камень четвероугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом» [26, с. 131].

Право акушинского кадия надевать на шамхала папаху [27, с. 15], посаженного на специальный (вроде трона) «камень четвероугольный», подчеркнем, являлось показателем не просто какой-то, формальной, а настоящей зависимости шамхала от акушинского кадия. В то же время это было гарантией сохранения даргинцами независимого положения от шамхала.

Что же касается шамхала, то он действительно нуждался в воинских силах Акуша-Дарго, как и даргинцы нуждались в зимних пастбищах Шамхальства. Эта обоюдная необходимость в друг друге являлась стимулом хороших взаимоотношений шамхала и даргинцев.

О нужде шамхала в воинских силах Акуша-Дарго хорошо видно из сведений П.Г. Буткова, писавшего в 1796 г., что войско шамхала, которое состояло «от принадлежащих ему владений и более акушинского народа» доходило до 26 тыс. [28, с. 210]. Комендант кизлярской крепости А.И. Ахвердов, писавший уже в начале XIX в., говорил о 15 тыс. войска шамхала. Но главное, на что указывал он, что это войско шамхала состояло из его «окружных деревень» и в основном из «республиканцев», называемых Дарго Окуша» [29, с. 215]. Это хорошо видно особенно из дальнейших его слов, что в зимнее время, когда из-за снегов и холода даргинцы не могли добраться на плоскость, шамхал не мог собрать «в самой крайности (от силы. – авт.) и пяти тысяч войска». Подвластное же население шамхала, по его словам, было «к войне и распрям самый несклонный, любит праздность и пьянство» [29, с. 215]. Конечно, с такими поданными шамхал не мог собрать большое войско. Верхнедаргинцы же, выставляли огромное войско, доходившее при общей мобилизации до 40 тыс. человек, из которых только «всадников» было «от 20 до 30 тыс.» [14, с. 289]. Это была внушительная и значимая сила в условиях Дагестана, к помощи которой обращался не только шамхал, но и другие дагестанские и закавказские владетели.

Заключение

Как видно из приведенного в статье материала, даргинцы прошли долгий и богатый различными событиями исторический путь развития. В древности их территория входила в состав Кавказской Албании, затем с ее распадом и образованием раннесредневековых государственных образований они вошли в состав Шандана, Филана и Ал-Караха. С распадом последних в XI–XII вв. они обособились по своим племенным территориям и стали доступны окружающим феодальным владениям. Верхнедаргинцы сначала попали под власть хунзахского нуцала, а затем Казикумухского шамхальства, с которым связана вся последующая их и федерации Акуша-Дарго история.

Согласно арабоязычному источнику, переписанному дженгутаевцем Абдурахманом Казиевым (ум. в 1992 г.) и проанализированному в 2023 г. [25], в первой половине XVI в. верхнедаргинцы освободились из-под власти шамхала и, заключив с ним союз, вошли в Казикумухское шамхальство в качестве наибства Дарго. В результате заключенного союза с шамхалом, Акуша-Даго получает большие права в системе внутренней и внешнеполитической жизни шамхальства. Судьба вновь избираемого шамхала находилась в руках акушинского кадия. Только он имел право короновать шамхала, без него процедура избрания шамхала не проводилась. Даргинцы закрепляют за собой право пастбы скота на кутанах шамхальства. Шамхал же, согласно союзу, получал возможность привлекать воинские силы Акуша-Дарго, его войско в основном состояло из даргинцев. Так было вплоть до присоединения к России и, таким образом, Акуша-Дарго и шамхальство были необходимы друг другу. Союз был необходимостью в их взаимоотношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: издательство Академии наук СССР, 1961.
2. Гаджиев В.Г. Шамхальство (история образования и государственное управление) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Тематический сборник. Махачкала.: типография Дагестанского филиала АН СССР, 1989.
3. Алиев Б.Г. Становление и эволюция даргинских обществ в Древности и в Средневековье: периоды в образовании единой политической структуры в Верхнем Дарго // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-darginiskih-obschestv-v-drevnosti-i-v-srednevekovie-periody-v-obrazovanii-edinoy-politicheskoj-struktury-v> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир). 1963. С. 249–266.
5. Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. – 293 с.
6. Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990.
7. Магомедов М.Г. Древние государственные образования на территории Дагестана. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2006. – 334 с.
8. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
9. История Дагестана. В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1967. – 431 с.
10. Магомедов М.Г. Древние государственные образования Дагестана. Махачкала, 2006.
11. Хапизов Ш.М. Нуцалы Аварии: (историко-генеалогическое исследование). Махачкала, 2021. – 383 с.
12. Извлечение из Истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи // Сборник сведений о Кавказских горах. Тифлис: Тип. Глав. Управл. Намест. Кавказа, 1870. Вып. V. С. 1–30.
13. Шихсаидов А.Р. Вопросы исторической географии Дагестана X–XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1980. 130 с.
14. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Т. 1. 448 с.
15. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI– 30-е годы XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372.
16. Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1980. 168 с.
17. Айтберов Т.М., Каяев И.А. Документы XIV–XVIII вв. по истории Лакии (эпоха шамхалов и ханов Казикумуха) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. № 3(34). С. 25–37.
18. Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М.: Участок оперативной типографии Института истории СССР АН СССР, 1990. С. 7–31.
19. Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности XVII–XVIII вв.: по истории Верхней Даргинии // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1970. Т. XX (Серия общественных наук). С. 253–265.
20. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 129 с.
21. Айтберов Т.М. Источники для изучения социальной структуры Дагестана XV–XVI вв.: Автореф. дис... канд ист. наук. М., 1980. 16 с.
1. Khashaev KhM. *Social Structure of Dagestan in the 19th Century*. Moscow: AS USSR, 1961. (In Russ)
2. Gadzhiev VG. Shamkhalate (history of formation and state governance). *States and State Institutions in Pre-Revolutionary Dagestan. Thematic Collection*. Makhachkala: Dagestan AS USSR, 1989. (In Russ)
3. Aliev BG. Formation and evolution of Dargin societies in antiquity and the Middle Ages: Periods in the formation of a unified political structure in Upper Dargo. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye Nauki*. 2022; 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-darginiskih-obschestv-v-drevnosti-i-v-srednevekovie-periody-v-obrazovanii-edinoy-politicheskoj-struktury-v> (accessed: 02.06.2025). (In Russ)
4. Baylis VM. *From the history of Dagestan in the 6th–11th centuries (Sarir)*. 1963. (In Russ)
5. Daniyalov GD. *Class Struggle in Dagestan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries*. Makhachkala, 1970. (In Russ)
6. Aitberov TM. *Ancient Khunzakh and the Khunzakh People*. Makhachkala, 1990. (In Russ)
7. Magomedov MG. *Ancient State Formations on the Territory of Dagestan*. Makhachkala: Respublikanskaya Gazetno-Zhurnalnaya Tipografiya, 2006. (In Russ)
8. Gadzhiev MG., Davudov OM., Shiksaidov AR. *History of Dagestan from Ancient Times to the End of the 15th Century*. Makhachkala, 1996. (In Russ)
9. *History of Dagestan. In 4 vols. Vol. 1*. Ed. V.G. Gadzhiev. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ)
10. Magomedov MG. *Ancient State Formations of Dagestan*. Makhachkala, 2006. (In Russ)
11. Khapizov ShM. *Nutsals of Avaria: (Historical-Genealogical Study)*. Makhachkala, 2021. (In Russ)
12. Extract from the History of Dagestan, comp. Mukhammed-Rafi. *Collection of Information about the Caucasian Mountaineers*. Tiflis: Tip. Glav. Upravl. Namest. Kavkaza, 1870; 5: 1–30. (In Russ)
13. Shiksaidov AR. Issues of historical geography of Dagestan in the 10th–14th centuries (Lakz, Gumik). *Eastern Sources on the History of Dagestan*. Makhachkala: Dagestan AS USSR, 1980. (In Russ)
14. Magomedov RM. *Dargins in the Dagestani Historical Process*. Vol. 1. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1999. (In Russ)
15. Kusheva EN. *Peoples of the North Caucasus and Their Relations with Russia. Second Half of the 16th – 30s of the 17th Century*. Moscow: AS USSR, 1963. (In Russ)
16. *Social Structure of the Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – Early 19th Century*. Makhachkala: Dagestan AS USSR, 1980. (In Russ)
17. Aitberov TM., Kayaev IA. Documents of the 14th–18th centuries on the history of Lakia (era of Shamkhals and Khans of Kazikumukh). *Vestnik Instituta HAE DSC RAS*. Makhachkala, 2014; 3(34): 25–37. (In Russ)
18. Karpov YuYu. Military organization and social development of the unions of rural communities of the North Caucasus. *Ethnographic Aspects of the Traditional Military Organization of the Peoples of the Caucasus and Central Asia*. Moscow: Uchastok Operativnoy Tipografii Instituta Istorii AS USSR, 1990: 7–31. (In Russ)
19. Aliev BG. Arabic script monuments of the 17th–18th centuries: On the history of Upper Darginia. *Uchenye Zapiski IHLL DF AS USSR*. Makhachkala: Dagestan AS USSR, 1970; 20: 253–265. (In Russ)
20. Aliev BG. *Traditions, Monuments, Historical Sketches of Dagestan*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1988. (In Russ)
21. Aitberov TM. *Sources for Studying the Social Structure of Dagestan in the 15th–16th Centuries*: Abstract of the Candidate of Historical Sciences Dissertation. Moscow, 1980. (In Russ)

22. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин. иностр. дел. М., 1889. Вып. I (1518–1613). 584 с.
23. Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в.: (Сб. науч. статей) / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1981. – 168 с.
24. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1999. 339 с.
25. Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М. Правовые и политические процессы в ходе формирования горских «республик» на Восточном Кавказе в эпоху средневековья (на примере Акуша-Дарго) // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 47. № 3(67).
26. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Арх. мат. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 125–137.
27. Сведения об Акуша // Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1968. 380 с.
28. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 209–212.
29. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М. 1958. 371 с.
22. Belokurov SA. *Relations of Russia with the Caucasus. Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs*. Moscow, 1889; 1: 1518-1613. (In Russ)
23. Aliev BG. *Traditions and legends of the peoples of Dagestan. Social Structure of the Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – Early 19th Century: (Collection of Scientific Articles)*. Ed. V.G. Gadzhiev. Makhachkala, 1981. (In Russ)
24. Aliev BG. *Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – First Half of the 19th Century (Economy, Land, and Social Relations, Power Structure)*. Makhachkala: Tip. DNTs RAN, 1999. (In Russ)
25. Abdullaev MN., Aitberov TM. Legal and political processes in the formation of highland “republics” in the Eastern Caucasus in the Middle Ages (on the example of Akusha-Dargo). *Yuridicheskiy Vestnik DGU*. 2023; 47(3): 67. (In Russ)
26. Tikhonov DI. Description of Northern Dagestan. 1796. *History, Geography, and Ethnography of Dagestan in the 18th–19th Centuries. Archival Materials*. Moscow: Vost. Lit., 1958: 135-137. (In Russ)
27. *Information about Akusha. In: Monuments of Customary Law of Dagestan. 17th–19th Centuries*, comp., preface, and notes by Kh.-M. Khashaev. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1968. (In Russ)
28. Butkov PG. Information about the Quba and Derbent Domains. 1796. *History, Geography, and Ethnography of Dagestan in the 18th–19th Centuries. Archival Materials*. Moscow, 1958: 209-212. (In Russ)
29. Akhverdov AI. Description of Dagestan. 1804. *History, Geography, and Ethnography of Dagestan in the 18th–19th Centuries. Archival Materials*. Moscow, 1958. (In Russ)

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.
Принята в печать 16.04.2025 г.
Опубликована 15.06.2025 г.

Received 05.04.2024
Accepted 16.04.2025
Published 15.06.2025